

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

*Невинные дамские
шалости*

АВАНТЮРНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Татьяна Викторовна Полякова
Невинные дамские шалости
Серия «Авантюрный детектив.
Романы Т. Поляковой»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123004
Невинные дамские шалости: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-16728-5*

Аннотация

Разве это не злая насмешка судьбы – встретить мужчину своей мечты, а через пару часов стать свидетелем его страшной смерти? Неведомые убийцы в масках расстреливают красавца блондина прямо на глазах у Татьяны. Она чудом спасается от их преследования, но ее жизнь с этого мгновения превращается в ад. Покушения следуют одно за другим, таинственным образом исчезает любимая подруга... Но все же есть один шанс остаться в живых, и Татьяна не намерена его упускать...

Содержание

Татьяна Полякова

4

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Татьяна Полякова

Невинные дамские шалости

Проводы затягивались. Мне уже раз шесть успели пожелать «счастливого пути», а я – «счастливо оставаться», но сесть в машину и наконец-то отчалить все никак не удавалось. То Сергей Сергеевич вспоминал что-то некстати, то Валентин Иванович шутил, то Надежда Васильевна с поклоном напоминала: «Мы на вас очень рассчитываем». В ответ я улыбалась, кивала и бесчисленное количество раз заявляла, что их производство «произвело на меня отрадное впечатление». На самом деле я так и не поняла, чем они там занимаются, то есть что производят. Хотя три часа бродила по фабрике, внимательно ко всему приглядывалась и даже минут пятнадцать постояла у конвейера. Любое производство для меня – тайна за семью печатями, и назначение здешних болтов, дощечек и гаек я так и не уловила, но помещения тешили глаз чистотой и порядком, так несвойственными родному Отечеству, это я не преминула отметить с большой радостью и смогла похвалить вполне осмысленно. Рабочие (преимущественно мужчины) смотрели на меня с веселым любопытством, из чего я сделала вывод, что народ здесь не бедствует, и порадовалась еще раз.

После обзорной экскурсии меня ждал королевский обед

в кабинете директора в компании с его замом, главбухом и, разумеется, им самим. Люди приятные, несуетливые и мне понравились. Себя я чувствовала первым секретарем обкома социалистических времен, приехавшим в захолустье родной вотчины, и пришла к выводу, что быть первым секретарем здорово и даже забавно, а главное – совсем необременительно. Поэтому, когда директор (звали его Сергей Сергеевич) сказал, улыбаясь:

– Надеюсь, Алла Леонидовна, вам у нас понравилось, – я с улыбкой ответила:

– Очень, – и тут же добавила, как меня учила Алька: – Со своей стороны я сделаю все возможное, чтобы наше приглашение состоялось. – И даже руку к груди прижала, чтобы нагляднее продемонстрировать свою искренность. Искренность произвела впечатление, все разом заулыбались и о делах больше не говорили. Люди попались воспитанные и умные: знали, когда стоит поднажать, а когда помолчать. Конечно, мы не молчали, я поинтересовалась историческим прошлым города (гуманитарные предметы ближе моей творческой натуре) и получила исчерпывающий ответ. В общем, обед удался. Я поблагодарила радушных хозяев и теперь стояла возле машины с открытой дверцей и пыталась с ними проститься. Моя правая нога была уже в салоне, когда Надежда Васильевна спросила:

– Вы сами за рулем?

– Да, – улыбнулась я и что-то там присовокупила о своей

любви к быстрой езде, свойственной любому русскому, одновременно пугаясь, что разговор может вспыхнуть вновь и я вообще сегодня никуда не уеду, но хозяева улыбнулись еще шире и в три голоса воскликнули:

– Всего доброго!

А я завела мотор и помахала им рукой.

– Алла Леонидовна! – крикнул Валентин Иванович. – Ждем вашего звонка.

Я кивнула, еще раз помахала рукой и тронулась с места. После чего вздохнула с заметным облегчением, а потом засмеялась: затея с переодеванием вроде бы удалась.

Город остался позади, я потянулась к телефону и попыталась связаться с Аллой Леонидовной, которую изображала в течение пяти часов с большим усердием. Алька отозваться не пожелала. А жаль. Мне хотелось отрапортовать о своих успехах и удостоиться похвалы. Но не судьба. Тому, что я сегодня в районном центре изображала очень важную даму, способствовали два обстоятельства: моя врожденная страсть к авантюрам и Алькина неумная тяга к мужскому полу. После тридцатилетнего юбилея в подружку точно бес вселился, она в буквальном смысле не могла пропустить ни одного мужика. Есть представители сильного пола, которые волочатся за каждой юбкой, а Алька, по аналогии, волочилась за каждым брюкачом.

Мы были знакомы лет десять, судьба свела нас в больнице,

где Алька работала медсестрой, а я отлеживалась со сломанной рукой и разбитым сердцем, пребывая в том возрасте, когда мечтают об идеальных возлюбленных, навешивают этот самый идеал на кого попало, а потом очень сердятся, что оригинал не соответствует мечтам. Сердца разбиваются, а душа страдает.

Я страдала заметно для окружающих, это углядела Алька, у которой тоже были сердечные проблемы, и вечерами, во время ее дежурства, мы пили чай и сетовали на сильный пол, да так преуспели в этом, что после моей выписки обходиться друг без друга попросту не могли и вскоре стали закадычными подругами.

Алька не блистала красотой, была умна, чрезвычайно скромна и сильно опасалась, что засидится в девках. Поэтому была готова выскочить замуж за первого, кто об этом попросит. Этим первым оказался мой давний знакомый, старший брат школьной подруги, в то время новоиспеченный комсомольский лидер районного масштаба. Он был высок, широкоплеч, голубоглаз и мог, как заведенный, болтать по два часа кряду на любую тему. От всего этого великолепия Алька прямо-таки обалдела и ходила за ним, точно привязанная. Витька дураком не был, к тому же догадывался, что, кроме как болтать, ничего путного не умеет, а Алька – скромница, умница и труженица, именно та самая женщина, которая будет ему верной женой. Как раз тогда Алька стала депутатом горсовета (самым молодым, об этом даже в газе-

те писали, областной, конечно) и смогла перебраться из общежития в квартиру. После чего сыграли свадьбу. Первые годы супружеской жизни принесли Альке одни разочарования. Прежде всего выяснилось, что о наследниках мечтать не следует, повинна в этом была какая-то мудреная болезнь, обнаруженная у моей подруги, отчего та не только буквально впала в отчаяние, но и нажила массу комплексов: ведь она не могла осчастливить любимого мужа вопящим чадом. Потребовалось много времени, чтобы подружка сообразила: вопящее чадо нужно ее благоверному, как снег в мае. Однако Витька был не только эгоистом до мозга костей, но и большим хитрецом: как только речь заходила о детях, он затихал, смотрел грустно и выглядел совершенно несчастным, чем умудрялся поддерживать Алькины комплексы, при этом позволяя себе скромные радости на стороне. Алька его оправдывала и страдала. Иногда мне хотелось как следует встряхнуть ее, увезти куда-нибудь подальше от голубых Витенькиных глаз, чтобы подружка пришла в себя и увидела, кто на самом деле так ловко возле нее пристроился, но жизнь и без моего вмешательства внесла свои коррективы. Времена изменились, надобность в комсомольских лидерах отпала, зато на свет божий появились предприниматели всех мастей. И тут Алькин ум, проницательность и деловая хватка вкупе со связями Витьки сыграли решающую роль: голубоглазый супруг вскоре стал многообещающим бизнесменом, а подружка вкалывала, как лошадь, проталкивая его к денежным вер-

пинам. Надо полагать, Витька многократно перекрестился, радуясь, что не свалял в свое время дурака, избрав в спутницы жизни красивую вертихвостку, а женился на Альке.

Богатство, не замедлившее явиться, произвело в моей подруге разительные перемены. Наконец-то она смогла позволить себе дорогие тряпки (при этом обнаружились и вкус, и стиль), а вслед за этим Алька взглянула на себя иначе, убедившись, что на Витьке свет клином не сошелся и на свете полным-полно других мужиков. А когда у тебя есть настоящее дело и мозги заняты, относиться к мужскому полу начинаешь без особого романтизма, как говорится, не любишь – и не люби, мы еще пошарим вокруг. Из одной крайности Алька впала в другую. То скромна была до святости, то стала распутна до неприличия. Каюсь, в роли распутницы она мне нравилась больше – от страданий, как чужих, так и своих, у меня начинает голова болеть. Да и Витеньке не мешало получить по заслугам. После тридцати лет Алька окончательно спятила, разом решив наверстать упущенное в молодости, истощала себя диетами, физическими упражнениями и подолгу смотрела на фотографии принцессы Дианы, каждый раз обретая в них вдохновение. Имя Альбина, полученное при рождении, показалось ей неблагозвучным и почему-то деревенским (кстати, Алька как раз в деревне и родилась, ее малая родина размещалась в такой глубинке, что дорога туда вызвала во мне настоящий ужас. Решив посетить исторические места, я с удивлением обнаружила, что в ста кило-

метрах от областного центра есть еще нехоженные тропы, а главное, неезженные дороги, однако нахально обозначенные на карте). В общем, Альбина стала Аллой, малость подправила биографию и хоть на княжеский титул не замахивалась, но прозрачно намекала на близкое родство со всеми ныне здравствующими знаменитостями. Я при случае охотно поддакивала и во всеуслышание заявляла, совершенно искренне, что Алла Леонидовна – редкая женщина. Несмотря на все это, в глубине души Алька оставалась все той же простой, нежной и несчастной женщиной, с большой обидой на то, что ее единственная настоящая любовь не была оценена по достоинству.

Резкие перемены в жизни привели к тому, что старых друзей Алька растеряла, не считая, разумеется, меня. К моей особе она испытывала нечто сродни страсти. Кажется, я заменяла ей всех: подругу, духовника и родное чадо в придачу. Она делала мне царские подарки, в меру сил вносила в мою жизнь элемент упорядоченности и все пыталась понять: на какие такие шиши я умудряюсь жить прямо-таки припеваючи. Тут надо пояснить, что я в своей жизни сменила множество профессий, но ни одна из них не пришлась мне по душе настолько, чтобы раз и навсегда остановиться на ней. Зато у меня были идеи. Самые разные, иногда неожиданные. Еще у меня была сестра, в настоящее время проживающая в Израиле, куда последовала за любимым мужем. У Ленки сроду не было никаких идей, зато была счастливая способ-

ность любую из них превращать в презренный металл, точнее – в купюры разных цветов и достоинств. Алька очень бы удивилась, узнай, на чем я смогла сделать приличные деньги. Например, на туалете. Размещался он в парке Пушкина, по соседству с танцплощадкой, в бывшей церковной сторожке (церковь стоит чуть выше, на горе). В парке во времена моей юности дежурили наряды милиции, бдительно шаря по кустам в поисках пьющих, курящих и целующихся. Единственным недоступным для ментов местом был этот самый туалет, обозначенный буквой «Ж». Он стал своеобразным клубом, где можно было выпить, покурить и постоять обнявшись со своим парнем, не опасаясь, что на его плечо ляжет чья-то рука и суровый голос задаст идиотский вопрос: «Вы чего тут делаете?»

Как-то раз, прогуливаясь по парку, я набрела на бывший туалет, ныне вновь церковную сторожку, и, умиленно взирая на свежепобеленные стены, всецело отдалась воспоминаниям. После чего мы вместе с приятелем изготовили фотографию: я в желтом сарафанчике по моде десятилетней давности на фоне этого самого туалета (сторожке мы временно вернули большую букву «Ж»). Таким образом, на свет появилась открытка с надписью «Привет из юности». Внутренний голос шептал мне, что на этом можно заработать, но чтобы так... Благодаря помощи моей милой сестрицы земляки в Израиле, которых было, кстати сказать, там немало, отваливали за мой «привет» прямо-таки немислимые деньги, и он

того стоил: взглянув раз на открытку, владелец оной мог часами баловать слушателей воспоминаниями о своей юности.

Алька, обнаружив эту открытку, долго смеялась и качала головой: как я уже сказала, в юности подружка была невыносимо скромной и с данным объектом ее ничто не связывало. Но и она купила открытку, потому что на ней был запечатлен мой светлый образ.

– Тебе хоть копейку заплатили? – хмыкнула она.

– За что? – деланно удивилась я, а Алька назидательно проронила:

– Дура, люди на таком вот дерьме деньги делают. – Подружке нравилось думать, что я растяпа, а мне не хотелось ее переубеждать.

Тут я вновь вернулась мыслями к Алле Леонидовне, которую сегодня изображала с таким удовольствием, и попыталась с нею связаться. Алька явно была занята чем-то чрезвычайно интересным, я даже догадывалась чем. Когда даме чуть за тридцать, она богата, обладает пылким воображением и временем заняться собой, на сцене неизменно появляется герой-любовник. Он не заставил себя ждать и в этот раз: два месяца назад Алла Леонидовна влюбилась, а влюбившись, как водится, начала безумствовать. Больше обыкновенного торчала в сауне и парикмахерской и с пренебрежением относилась к домашним обязанностям. Само собой, каждую минуту быстротекущей жизни она хотела посвятить возлюбленному. Тот тоже безумствовал и посвящал и то-

же пренебрегал семейным очагом. Безумства обоих волшебным образом никак не сказывались на делах (возлюбленный управлял крупным банком), поэтому я очень удивилась Алькиному предложению, сделанному мне накануне.

Она приехала поздно, около двенадцати, открыла дверь своим ключом и устроилась на кровати, поджидая меня. Я в это время блаженствовала в ванной и громко пела (странное дело, как только оказываюсь в воде, так сразу тянет что-нибудь исполнить). Из комнаты полились звуки шубертовской «Аве Мария» и достигли моих ушей, я натянула халат и прошлепала в комнату. От родителей мне досталась трехкомнатная «хрущевка», из которой я, по мнению близких, сотворила нечто несусветное. С моей точки зрения, получилось занятно: внутренние перегородки были снесены и перестроены, в результате чего получилась большая кухня и большая комната с аркой. Беда в том, что придать всему этому пристойный вид всё руки не доходили. Я мнила себя гением дизайнера, идеи появлялись и исчезали, и за два года я так и не смогла на чем-либо остановиться. Алька не выдержала и сделала в моей квартире ремонт по своему усмотрению, пока я отдыхала в Крыму. Тона она предпочитает светлые, а обои дорогие. В результате подобных пристрастий квартира стала напоминать сугроб в погожий январский денек. Я пришла в ужас, сказала «спасибо», а потом махнула на все рукой: заниматься переклейкой обоев мне было лень. С обстановкой тоже вышла неувязка, «сугроб» все портил: старая идея не

годились, а новые не спешили появляться, и пока в комнате стояла огромная кровать (ручной работы с инкрустацией) – подарок мужчины средних лет с золотыми руками, который до сего дня повторяет с тоской, глядя на меня: «Надежда умирает последней». Так как живу я на втором этаже, Алька купила шторы на окна (белые, разумеется) и два огромных ковра, один на стену, другой на пол, потому что она вечно мерзнет, а тапок у меня не сыщешь днем с огнем.

Алька сидела на кровати, слушала Шуберта и смотрела на меня с томлением. Потом предложила:

– Может, купить тебе диван?

– Не надо, – испугалась я.

– Люди приходят, а сесть негде.

– Почему это? На полу полно места, а для удобства есть подушки, шестнадцать штук. Больше народу квартира все равно не вместит.

Алька махнула рукой, перевела взгляд на люстру, вздохнула и сказала:

– Дело есть.

Я растянулась на кровати, сунув под голову подушку, и лениво спросила:

– Какое?

– Важное. У моего завтра свободный день. Прикинь?

Я прикинула: такое, судя по Алькиным рассказам, случилось нечасто.

– Хотим закатиться ко мне на дачу.

– Дело хорошее, – кивнула я, ожидая, что последует дальше; надо полагать, я буду в группе прикрытия вешать Витеньке лапшу на уши и следить за тем, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

– Мне завтра надо на фабрику ехать, сто километров, – нахмурилась Алька. – Люди ждут.

– С любимым поедешь? – спросила я, а она разозлилась:

– Драгоценное время терять?

– Неужто не поедешь? – ахнула я и даже приподнялась на локте, заглядывая подружке в глаза: пренебрежение к работе – что-то новое, не иначе как безумства любви приобрели опасный размах.

– Слушай, съезди ты, – предложила Алька, а я в ответ выпучила глаза:

– Как это?

– Очень просто, на машине. Приедешь, посмотришь, с народом пообщаешься. Эта встреча ничего не значит, все уже решено, понимаешь?

– Понимать-то я понимаю, но людям вряд ли понравится, что ты кого-то вместо себя послала, да и Витька может об этом узнать и заинтересоваться.

– А ты скажешь, что ты – это я.

– Что ж они, совсем дураки? – не поверила я.

– С их директором мы общались только по телефону, виделись однажды, два года назад, мельком. Не думаю, что он

меня хорошо запомнил. Наденешь мой парик, нацепишь очки, возьмешь мою машину. Я с утра предупрежу, чтоб тебя встретили. А если Витька туда позвонит, ему подтвердят, что я на месте. Хочется спокойно и без суеты побыть наедине с любимым человеком.

– А если они начнут меня расспрашивать о чем-нибудь?

– Ты ж не дура, выкрутишься.

Я посмотрела на Альку и засмеялась. В целом идея выглядела забавной: отчего ж не выступить в роли Хлестакова, или, точнее, Хлестаковой? Алька вышла в прихожую, а вернулась с сумкой.

– Вот парик. Напяливай.

Следующие полчаса мы всюду развлекались. В Алькином парике цвета воронова крыла я выглядела необычно и даже загадочно. Но похожей на Альку отнюдь не стала, поэтому она нахлобучила мне на нос свои очки с темными линзами. Мы еще немного помудрили и пришли к выводу, что маскировка вполне сгодится, в конце концов, мало кому придет в голову придирается к моей внешности.

– Блеск, – хмыкнула Алька, облобызала меня и направилась к двери.

– Эй, – всполошилась я. – А если Витька и впрямь позвонит?

– Вещай моим голосом, – ответила подружка и добавила: – Машина под окнами, ключи в кухне, на столе. – И удалилась. Таким вот незатейливым образом я оказалась в роли важной

дамы.

День, поначалу пасмурный, вдруг разгулялся, солнце светило ярко, и щеголять в парике по такой погоде – значило бы не любить себя. Я притормозила у обочины, сняла его, швырнула в сумку и, достав зеркало, придала себе привычный облик. Еще раз позвонила Альке, с тем же успехом, и отправилась дальше. Вот тут-то и начались мои неприятности. Машина вдруг повела себя очень странно: я давила педаль газа, а красавица «Ауди» двигалась нехотя, точно что-то ей мешало, потом начала подозрительно дергаться, а под конец и вовсе встала как вкопанная. Я вышла из машины и сделала что могла: дважды обежала ее по кругу, заглянула под капот и пнула переднее колесо. Но даже после этого машина не пожелала трогаться с места. Это выглядело тем более невероятным, что машина была новой и Алька, между прочим, никогда на нее не жаловалась. Я чертыхнулась, а потом и приуныла. По здравом размышлении выход был один: найти Альку, и пусть она сама разбирается со своей техникой. Я с надеждой снова набрала номер и даже попросила неведомо кого: «Помоги мне, а?» Но чуда не произошло, подружка не пожелала ответить, а машина завестись. Вот так всегда: если день начнется удачно, значит, закончится неприятностями. Бессмысленно провоевав с машиной еще минут двадцать, я произнесла несколько затейливых фраз, обращаясь к ее совести, и вышла на дорогу, в надежде обрести сострадательную душу в лице какого-нибудь водителя.

Дорога, до сего момента перегруженная транспортом, разом опустела. Мимо проскочил «КамАЗ», шофер, хмурый пожилой дядька, взглянул на меня сурово и отвернулся. То же самое сделали еще четверо: водитель автобуса, блондинка на «девятке» (впрочем, в помощь с ее стороны как-то не верилось), парень на «Запорожце» и благородный отец семейства на стареньких «Жигулях». В общем, не везет, и все тут. Приключения мне разом разонравились. Желающих помочь не было, а Алька в эйфории любви отвечать не желала. Я села, не закрывая дверь, выставила ноги на дорогу и стала ждать неведомо чего: спасителя или Алькиного звонка. Прошло минут десять, и тут в поле моего зрения возник черный «Опель». Двигался он точно нехотя и вроде бы не зная, куда желает попасть. Создавалось впечатление, что его хозяин чего-то искал на дороге и времени на это имел предостаточно. Я даже не успела выйти из машины и махнуть рукой, а он уже тормозил у обочины. Я вздохнула: надо полагать, за рулем весельчак-мужчина кавказской национальности и помощь обернется большими хлопотами. Прикинув, что хлопоты все-таки лучше скучного ожидания того момента, когда у машины появится совесть, я выпорхнула на дорогу, дверь «Опеля» распахнулась, из него вышел молодой мужчина, а я выпучила глаза и приоткрыла рот, кажется, до неприличия широко: передо мной стоял мужчина моей мечты. Во-первых, он был блондином, а мне всегда нравились блондины, но на них не везло, ни одного по-настоя-

щему блондинистого мужчины у меня не было, если не считать Сережки Казанцева, с которым я дружила в пятом классе. Во-вторых, блондин был синеглаз, сокрушительно красив, ослепительно улыбался ровными, жемчужного цвета зубами, так что казалось невероятным предположить, что они настоящие, был хорошо одет и прибыл на роскошном «Опеле», при этом обладал высоким ростом и завидной фигурой. Короче, не мужчина, а рождественский подарок под елкой – большой, упакованный в нарядную обертку со всевозможными бантами и ленточками.

Я слабо охнула, силясь удержаться на ногах, и торопливо мазнула взглядом по своим рукам. Маникюр выглядел безупречно. За все остальное я не переживала. Придала позе изящество, а лицу выражение томной неги и страстно прошептала:

– Вы не могли бы мне помочь?

Блондин улыбнулся еще лучезарней, окончательно ослепил меня и ответил:

– С удовольствием. – После чего нырнул под капот «Ауди».

Я встала рядом, избрав позу, выгодно обрисовывающую мою фигуру в чрезвычайно дорогом костюме, и таращилась на блондина во все глаза. Хотелось протянуть руки, вцепиться в него покрепче и взвыть: «Мое!» Блондин увлеченно возился с машиной, то и дело с большим интересом поглядывая на меня. Я скромно потупила глазки, налилась румянцем

и чуть-чуть улыбалась.

– Что-нибудь серьезное? – спросила испуганно.

Он стал мне что-то объяснять. Я насчитала шесть знаковых слов, но они не смогли пролить свет на причину моего бедственного положения. Уловив в моем лице растерянность и с опозданием сообразив, что лекция меня скорее испугала, нежели внесла ясность, блондин вздохнул, ободряюще улыбнулся и сказал:

– Здесь неподалеку станция техобслуживания. Думаю, за час они с этой проблемой справятся.

– Да? – пролепетала я, взяла телефон и вновь попыталась связаться с Алькой, хотелось услышать ее мнение: стоит заезжать на станцию или нет? Алька вновь не пожелала ответить, блондин вытирал руки полотенцем, любезно предложенным мною, а я пыталась представить, как выгляжу в настоящий момент. Надо полагать, очень неплохо. Красота моя бросается в глаза, костюм выгодно подчеркивает достоинства фигуры, в руках у меня сотовый, а рядом сверкает темными боками новенькая «Ауди», хотя и не желает трогаться с места.

– Вы не могли бы попросить на станции, чтобы они кого-нибудь прислали? – пропела я с мольбой во взоре, небрежно бросив телефон в сумку.

– У меня есть трос, – сообщил блондин. – Думаю, будет лучше, если мы сами доставим вашу машину на станцию.

– Это вас не очень затруднит? – обеспокоилась я, слегка

выставив левое бедро, юбка на мне короткая, и я не сомневалась, что в комплексе это произведет впечатление.

– Что вы, – ответил он. – С огромным удовольствием.

Я с трудом перевела дыхание от обрушившегося на меня счастья. Подумать только, в один день досыта наестся красной икры и встретить такого мужчину. «Надо быть настороже, – сурово одернула я себя. – Судьба так просто подарками не разбрасывается».

– Тогда, может быть, мы поедем? – ласково предложила я.

Он сходил к своей машине, вернулся с тросом, подцепил мою, затем устроился в «Опеле» и махнул мне в окно рукой. Я плюхнулась на сиденье, прошептала: «Господи боже!» – и намертво вцепилась в руль.

Станция техобслуживания размещалась на окраине районного центра. Блондин аккуратно въехал в ворота и втянул в них меня, после чего мы плавно затормозили, он подошел и помог мне выйти.

– Я узнаю, к кому следует обратиться, – сказал он и ненадолго исчез.

Через несколько минут меня лишили машины, то есть вкатили ее в какие-то ворота с надписью «Бокс № 1» и их закрыли, а я осталась во дворе, в котором не наблюдалось совершенно ничего интересного. К счастью, блондин вернулся очень быстро.

– Ребята сказали, пару часов придется подождать.

– Что ж, ничего страшного, – кивнула я и добавила со значением: – Спасибо вам огромное. Просто не знаю, что я делала бы одна на дороге. В машинах я не очень разбираюсь.

– Ваша машина? – спросил он, кивнув в сторону бокса.

– Моя, – зачем-то соврала я. – Она почти новая, и вдруг такая незадача... – Я вздохнула и потупила глазки. Выходило, что нам пора прощаться, мне этого очень не хотелось и блондину, как видно, тоже.

– Я мог бы вас подождать, – вдруг предложил он с чрезвычайной любезностью, – чтобы убедиться, что все в порядке, ну и компанию составить.

– Что вы, что вы! – заволновалась я, глядя на него с признательностью бродячей собаки, которой ни с того ни с сего отвалили здоровущий кусок мяса. – Вы и так потратили на меня столько времени.

– Этого добра у меня сколько угодно, – засмеялся блондин и добавил: – Меня зовут Сергей. А вас?

– Таня, – улыбнулась я и протянула руку, он осторожно пожал ее и, взглянув на часы, предложил:

– Танечка, давайте попробуем отыскать в этом захолустье ресторан. Я сегодня даже не завтракал, а время уже за обед перевалило.

Мой желудок был буквально переполнен деликатесами, но отказаться я не смогла. Мы покинули станцию техобслуживания и совершили обзорную экскурсию по городу, сидя рядышком в роскошном «Опеле».

Ресторан в городе был один, назывался он «Дружба» и выглядел препаршиво.

– Да, – приуныл Сережа и спросил: – Как думаете, нас здесь не отравят?

– Не уверена, – честно призналась я.

Мы решили рискнуть и вскоре сидели за столиком на двоих, покрытым гнетущего вида скатертью. Я попыталась не касаться локтями стола и вообще отодвинуться от него подальше.

– Глупо было приглашать вас в такую забегаловку, – устыдился Сережа.

– Что вы! – ахнула я и в доказательство сложила на столе руки, придав себе вид чрезвычайно демократичной женщины, каковой на самом деле и являлась. Не будь улыбка блондина столь лучезарной и не страдай я сама от обжорства, скатерть и общий вид ресторана вовсе бы меня не тревожили, а все предложенное добрыми людьми в отпечатанном на старенькой машинке меню я стрескала бы за милую душу, даже глазом не моргнув.

Сережа улыбнулся, протянул руку и коснулся моей ладони, взглянув мне в глаза с большим чувством. Я пунцово покраснела и вновь потупила глазки. Тут подошла официантка, и Сережа сделал заказ: единственное, что я способна была съесть сейчас, это салат, его и заказала. К счастью, тарелка оказалась маленькой, а салата в ней еще меньше, и я смогла его проглотить без особых усилий. Сережа, с аппетитом

уничтожая фирменное блюдо, дважды взглянул на часы. Я забеспокоилась:

– Вы торопитесь?

– Я? Нет. То есть... Танечка, у меня назначена встреча...

– Господи, что же вы сразу не сказали? Я так беспардонно вас использую...

– Чепуха. – Он ухватился за мою ладонь, заставив мою грудь бурно вздыматься. Стало ясно: я влюбилась в блондина, и с вежливостью пережимать не стоило, а ну как вправду уедет, оставив меня на этой дурацкой станции. – Мне совсем не хочется уезжать... Вы замужем? – вдруг спросил он, а я торопливо заверила:

– Нет, – и тут же брякнула: – А вы женаты? – опомнилась и пролепетала: – Извините. Бог знает, что со мной сегодня...

Сережа улыбнулся и сказал:

– Я не женат. Занимаюсь бизнесом. Вечером у меня встреча с одним клиентом... но почему бы не послать его к черту?

– Если это из-за меня, то не стоит. Мне очень неловко. Хотя, если честно, не хочется, чтобы вы уезжали...

Тут мы оба засмеялись, и разговор пошел веселее. Выяснилось, что в нашем городе мы живем в одном районе. Я поведала некоторые факты своей биографии, самые интересные, разумеется. Из рассказа следовало, что живу я одна, тружусь в редакции областной газеты (это, кстати, почти правда, я там кем-то вроде внештатного сотрудника), по профессии художник-оформитель, интересы разносторон-

ние, люблю путешествовать, а на досуге пишу маслом (все чистой воды вранье, путешествовать я не люблю, к сестре в Израиль выбиралась дважды и чуть не скончалась в самолете, мою мазню маслом только псих обзовет пейзажем, а интерес у меня один: повалять дурака, да чтоб при этом никто не мешал). Однако женщина с моим лицом просто обязана иметь богатый внутренний мир, вот я старательно и сотрясала воздух всякими глупостями. Сережа кивал с пониманием и мою ладонь уже не отпускал, а я стремительно поднималась к вершинам блаженства.

Все испортил Сережин взгляд, исподтишка брошенный на часы.

– Сережа, – засомневалась я, – может быть, вам лучше уехать? Я чувствую, эта встреча важна для вас.

Он тяжело вздохнул, а потом предложил:

– Танечка, поедете со мной. До города пятьдесят километров. За вашей «Ауди» вернемся завтра. Я с удовольствием составлю вам компанию, завтра у меня как раз свободный день.

Предложение выглядело заманчивым. Я подумала, что не помешало бы мне посоветоваться с Алькой, и извлекла телефон из сумки. Подружка общаться не пожелала, а я разозлилась: в конце концов, у нее любовь, а у меня что? «Ауди» никуда не денется, а терять так счастливо найденного блондина совершенно глупо.

– А почему бы и нет? – пожала я плечами в ответ на на-

стойчивый взгляд Сережи. Он расплатился, и мы покинули ресторан.

– Думаю, стоит заехать на станцию, – сказал он уже в машине.

Мне было все равно, куда ехать и заезжать, думать я могла только о его глазах, лучистой улыбке и ямочке на подбородке. Господи, да неужто мне так повезет, что я заполучу этого парня? Может, еще и замуж выйду. Муж-бизнесмен – это как раз то, что мне нужно. Машина у него очень приличная. Конечно, сейчас полно всякого жулья, но он производит хорошее впечатление... От размышлений меня отвлек вопрос Сережи, правой рукой он рылся в ворохе кассет и поинтересовался:

– Какую музыку вы любите?

А я заметалась мыслями: что бы такое ответить позаботливее, подчеркивающее богатство моего внутреннего мира? Не придумав ничего оригинального, я честно ответила, что особых пристрастий в музыке не имею и выбор мой зависит от настроения, в настоящее время с удовольствием послушаю что-нибудь лирическое. Сережа улыбнулся, поставил кассету, и мы покинули городок.

Первые пятнадцать минут все шло просто отлично: мы разговаривали, смотрели друг на друга со значением и даже решили перейти на «ты». Я туманно объяснила, куда и зачем ездила, а он поведал о том же еще туманнее. Потом его рука легла на мою руку, предусмотрительно возложен-

ную на край сиденья, а я на всякий случай взглянула на дорогу: конечно, блондин во всех отношениях мужчина стоящий, но управлять машиной одной рукой при бурном движении – дело опасное. К моей радости, бурное движение на дороге отсутствовало, именно поэтому я и обратила внимание на «Тойоту», поначалу просто мазнула по ней взглядом, а через несколько минут отметила, что «Тойота» ведет себя странно: мы двигались со скоростью километров семьдесят (удовольствие совместного путешествия стоило продлить), а она почему-то плелась следом, соблюдая значительную дистанцию, хотя шоссе было свободно и инспекторов ГАИ не наблюдалось. Лично мне не приходилось встречать владельца джипа, который при подобных обстоятельствах стал бы плестись за кем-то сзади. Я подумала, может, сказать об этом Сереже, но он, взглянув в зеркало, как видно, тоже заприметил «Тойоту» и нахмурился.

– Что-нибудь не так? – спросила я.

– Что? – не понял Сережа, потом улыбнулся, сказал: – Все отлично. – И прибавил скорость.

«Тойота» исчезла из поля моего зрения, чему я, признаться, порадовалась и попыталась вернуться к светской беседе. Однако что-то меня беспокоило, причину этого самого беспокойства я попыталась обнаружить, и выходило, что это проклятый джип, хотя его сейчас и не видно, но он мне все равно не нравится. Я покосилась на своего спутника, он весело болтал, однако то и дело поглядывал в зеркало, что он

там высматривает, понять было нетрудно. К счастью, движение на шоссе возобновилось, я с облегчением вздохнула, урезонив себя: рядом с мужчиной своей мечты совершенно необязательно забивать голову разной чепухой.

Сережа продолжал мне что-то рассказывать, но в глазах его плескалось беспокойство, и это меня пугало. Человека я совершенно не знаю, и хоть он, конечно, мужчина, о котором я давно мечтала, но неприятностей я не ищу, а назваться бизнесменом может любой, поди отгадай, кто он на самом деле. «Попросить его остановить машину, – пришла мне в голову мысль. – Автостопом вернусь на станцию техобслуживания, Алькину «Ауди» как раз починят, и я отправлюсь домой». Я уже совсем было собралась обратиться к Сереже с просьбой, как он взглянул на меня с лучистой улыбкой, призывно мерцая глазами, а я слабо охнула. К тому же «Тойота» вроде бы исчезла, а впереди возник указатель «Пост ГАИ 500 м». В этот момент справа показалась проселочная дорога, и Сережа торопливо свернул на нее.

– Отдохнем немного, – сказал он, заметив мой недоуменный взгляд, а я, честно сказать, испугалась, поэтому и заявила, собрав всю свою твердость:

– Сережа, мне это не нравится.

– Танечка, – ласково попросил он, – очень прошу, не думай обо мне плохо. Я сутки за рулем, просто хочу немного размяться, прогуляемся чуть-чуть и поедem дальше.

Выглядел он абсолютно искренним, хотя кто его знает...

«А вдруг он какой-нибудь маньяк? Завезет в лес и... Такой симпатичный... а почему маньяк непременно должен быть уродом? Вот как раз симпатичные легко входят в доверие, и романтические женщины готовы следовать за ними на край света, а заканчиваются такие поездки очень печально. Однако маньяк он странный: выбрал место в пятистах метрах от поста ГАИ. К тому же у меня телефон и газовый баллончик в сумке, просто так я себя уколошить не позволю».

Я вновь покосилась на Сережу, он улыбался мне младенчески невинной улыбкой, и только извращенный ум мог бы заподозрить в нем маньяка. «Нормальная реакция мужика, встретившего на дороге красивую женщину: съехать в сторону и попытаться счастья. Конечно, ему ничего не обломится, и затеял он это совершенно напрасно, женщина я демократичная, но не до такой степени, чтобы заниматься любовью с мужчиной, которого знаю чуть больше часа, да еще в машине, хотя бы и в такой шикарной».

Между тем симпатичная песчаная дорожка, попетляв между берез и елок, оборвалась на лесной полянке, которая радовала глаз веселой зеленью и яркими ромашками. У меня возникла мысль, что Сережа хорошо знал данную местность и выбрал полянку не случайно. Вряд ли, свернув наудачу, можно сыскать такое место. Я бы, например, уж точно оказалась возле песчаного карьера или мусорной свалки, но удача у всех разная. На всякий случай я открыла сумку, делая вид, что ищу зеркало. Сережа вышел из машины, немного прогу-

лялся и махнул мне рукой, крикнув:

– Здесь земляника!

Я покинула машину, крепко сжимая в руке сумку и прикидывая, следует ли приближаться к Сереже. Пока я валяла дурака, он собрал букетик земляники с ярко-красными ягодами, выглядевшими очень аппетитно, и пошел мне навстречу.

– Хорошо здесь, правда? – сказал, протягивая мне букетик.

Я улыбнулась, взяла из его рук землянику и стала есть, повесив сумку на плечо. Сережа, поглядывая в сторону дороги, вроде бы прислушивался. Вряд ли среди деревьев он мог разглядеть машины на шоссе, но его желание свернуть на проселочную дорогу стало мне более-менее понятно. Подозревать мужчину своей мечты во всяческих пакостях – ужасное свинство, поэтому, взглянув на него, я спросила:

– Сережа, ты ждешь, когда они проедут?

– Кто они? – нахмурился он, а я пожала плечами.

– Они или он. Я имею в виду «Тойоту».

– Значит, ты тоже заметила?

– Мне показалось странным, что они плетутся сзади.

– И мне... тем более странно, что я уже видел эту «Тойоту», – говорил он доверительно, при этом смотрел мне в глаза. Во взгляде читалось желание быть кристально честным. Я с облегчением вздохнула и расслабилась. Теперь на маньяка мой спутник и вовсе не походил.

– Сережа, у тебя неприятности? – застенчиво спросила я, не зная, как объяснить, что я очень хотела бы чем-нибудь помочь ему.

– Нет, – покачал он головой, подумал и повторил: – Нет. По крайней мере, я ни о каких неприятностях не знаю.

– Может быть, они вовсе не за тобой ехали? – предположила я.

– Может быть. Утром, как только я выехал из Нижнего, я заметил их. Точно так же держались, на расстоянии. Поначалу я голову себе не забивал, но в Старом Городище зашел в кафе позавтракать и в окно увидел, как «Тойота» проехала мимо, а через час опять обнаружил их за собой.

– Может быть, они тоже куда-то заезжали? – бог знает кого пытаюсь обмануть, сказала я.

– Вот это я и хотел проверить. Потому и съехал с шоссе. Здесь неподалеку пост ГАИ, подождем полчаса, и если эта чертова тачка опять окажется у нас на хвосте, значит, сомнений нет, кому-то я понадобился, только вот ума не приложу: кому и зачем?

– Мы можем остановиться на посту ГАИ и заявить, что нас преследуют.

– Не думаю, что наш рассказ произведет впечатление.

– Но они, по крайней мере, проверят документы у этих типов. Ты не заметил, много их там?

– Мне показалось – двое. За такими стеклами особенно не разглядишь.

Количество предполагаемых врагов меня слегка успокоило, двое – это не пятеро, а у нас есть телефон, газовый баллончик, и к тому же Сережа на хлипкого интеллигента ни-сколечко не походил, я уверена, при случае он вполне сможет постоять за себя.

– Подождем немного и выберемся на шоссе, – предложила я. – Даст бог, это все наши фантазии, и «Тойоту» мы больше не увидим.

Тут я вспомнила о Сережиной встрече и спросила:

– Время у нас еще есть? Ты не опоздаешь?

– Время есть, – кивнул он, взял меня за руку и добавил: – Прости, что втянул тебя во все это. Надо было ехать одному. Только очень не хотелось упускать свой шанс: в жизни не видел никого красивее тебя.

Я улыбнулась скромно и даже покраснела, само собой, после таких слов просто смешно было принимать во внимание каких-то там типов в количестве двух человек.

– Я думаю, все будет хорошо, – уверенно заявила я и сама взяла Сережу под руку. Мы немного прогулялись, чутко прислушиваясь к шуму, доносившемуся со стороны дороги. Все-таки «Тойота» нас очень беспокоила. – Наверное, они уже проехали, – сказала я почему-то шепотом.

– Я тоже так думаю, – согласился он. – Возвращаемся?

Мы пошли к «Опелю», а я посмотрела в сторону кустов и подумала: «Нанесет урон моему романтическому образу тот факт, что я решу сходить в туалет? Все эти волнения совер-

шенно не сказались на работе моего организма. Мы взрослые люди, и, по-моему, в моем желании нет ничего такого...»

– Сережа, – сказала я. – Я тебя догоню... отлучусь на минутку.

Он кивнул, а я нырнула в кусты. Здесь в обилии произрастала крапива, да и к «Опелю» чересчур близко, я немного углубилась в лес, сорвала ромашку и, остановившись, погадала «любит – не любит». Вышло «любит», я обрадовалась и вприпрыжку поскакала дальше. Наконец расстояние между мной и «Опелем», с моей точки зрения, стало подходящим. Вот тут я и услышала шум машины, она, безусловно, была где-то совсем рядом, скорее всего на нашей поляне, я охнула и бросилась бежать в ту сторону, на ходу достала из сумки газовый баллончик, в этот момент хлопнули двери, а Сережа громко и отчаянно закричал:

– Таня, беги!

Господи боже, я завертелась на месте, не сразу сообразив, куда я должна бежать. Наверное, к посту ГАИ... Но, пока я бегаяю, эти типы могут избить Сережу или угнать его «Опель» и сотворить еще массу ужасных вещей. «У меня есть телефон», – напомнила я себе, правда, в настоящий момент толку от него немного, раньше чем через несколько минут помощь не подоспеет. Если этих типов только двое, вполне возможно, что мы справимся. У меня хватило ума не бросаться на выручку сломя голову. Сделав несколько шагов вперед, я осторожно выглянула из-за кустов. Картина,

представшая моим глазам, буквально вогнала меня в столбняк. На поляне трое типов в масках схватили Сережу, точнее, схватили двое, а третий держал возле его лба пистолет.

– Вы с ума сошли, – белыми губами бормотал Сережа. – Я ничего не понимаю. Я не понимаю...

Я так и не успела оценить ситуацию и решить, что делать: тип в маске переместился чуть левее, и грохнул выстрел. Сережу я не видела до тех пор, пока он не рухнул на землю. Голова его исчезла в траве, и левая рука безвольно откинулась в сторону. А я заорала. Я стояла, сжимая кулаки, и орала так, точно своим криком могла все изменить.

– Черт, девка, – проронил стрелявший тип, сунув пистолет за пояс штанов. Футболка при этом задралась, и я увидела на его спине, чуть выше поясицы, родимое пятно, очень большое, какой-то странной эллипсовидной формы. Пятно это точно заворожило меня, я стояла и пялилась на него, мало что соображая, и неизвестно, сколько бы еще продолжала стоять, но тип в этот момент добавил: – Найдите ее! – И я сообразила, что говорят они обо мне и в самом деле сейчас найдут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.